

«Иудаизм без прикрас». Как в Киеве

Улица Сагайдачного, Подол, 1950-е

Что общего у мацы и «весеннего бисквита», как «официальные» евреи Киева советскую власть защищали, и какое отношение 300-летие воссоединения Украины с Россией имеет к возвращению синагоги — об этом и многом другом — в интервью с выпускником магистерской программы по иудаике Киево-Могилянской академии Антоном Чисниковым.

— Известно, что в разгар войны — осенью 1943-го — Сталин пошел на сближение с церковью и гонения на религию ослабли. Это как-то сказалось на отношении к иудаизму в первые послевоенные годы?

— Еврейская религиозная община была зарегистрирована в Киеве в апреле 1945-го — раньше, чем вернулся из эвакуации занимавший до войны здание синагоги на Подоле клуб завода имени Калинина. Так синагогу предоставили

в пользование общины и в этом смысле евреям повезло — киевские католики, например, каждый год обращались с просьбой вернуть им костел на ул. Красноармейской, но получали отказ.

Еврейская жизнь, несмотря на все ограничения, не прекращалась — в 1950-е членами религиозной общины числились 5000 человек, службы в синагоге проходили 2-3 раза в неделю, собирая 300-350 прихожан, а в праздники у синагоги на Подоле собирались тысячи евреев.

— Фиксировались ли случаи осквернения синагоги или могил на еврейском кладбище в 1950-е — 1960-е?

— В архивах упомянуты три таких инцидента в хрущевский период. В октябре 1958 года на еврейском участке Байкового кладбища неизвестные повалили 39 памятников, которые горсовет восстановил за свой счет (убытки составили 30 000 рублей). Примерно в это же время произошла мелочная кража из синагоги — пропали две шторы и несколько скатертей — вероятно, подростки разбили окно и прихватили, что под руку попало.

Третий инцидент произошел перед Песахом 1962 года, когда было разбито 50 еврейских памятников на Байковом кладбище. Уполномоченный по делам религиозных культов отмечал тогда в докладной: «Это вызывает недовольство и нарекания не только верующих иудеев, но вообще еврейского населения столицы Украины. Поэтому мной немедленно проинформировано советское и партийное руководство...».

Надо понимать, что, в отличие от других конфессий, еврейская религиозная община, по убеждению властей, представляла интересы не только верующих, а всех евреев вообще. «Иудейский закон, как никакой другой, переплетается с национализмом, — писал уполномоченный Олейников. — Иудейские религиозные общины почти всегда выступают ...от имени всех евреев... в их понимании религиозная община не столько религиозная, сколько еврейская».

— Возможно поэтому государственный антисемитизм был так тесно переплетен с нападками на еврейскую религию — достаточно вспомнить погромную книгу Трофима Кичко «Иудаизм без прикрас», изданную в Киеве в 1963 году.

— Она вызвала международный скандал, и стала одним из немногих

тогдашних советских изданий, дезавуированных советскими же властями. «Труд» этот изобиловал антисемитскими клише, недаром, на сессии Комитета ООН по правам человека в октябре 1964 года делегацию УССР прямо обвинили в антисемитизме. А когда стало известно, что американцы планируют на Генассамблее ООН представить доклад об антисемитских настроениях в УССР, в МИДе срочно подготовили справку о состоянии еврейских религиозных общин в Советской Украине, чтобы дать достойный ответ «клеветникам».

Обложка книги Кичко и
карикатура из скандального
«труда».

Подпись: Жаботинский (слезно)
на могиле Петлюры: «Пусть земля
тебе будет пухом... из еврейских
перин»

Справка была составлена довольно умело, в ней, например, не отрицалось массовое закрытие синагог в Украине в начале 1960-х годов, но подводилась под это аргументационная база. В Жмеринке закрытие синагоги объясняли тем, что верующие отошли от религии, в больших городах — Житомире, Виннице и Чернигове — находившиеся в центре синагоги мешали строительству жилья для трудящихся, поэтому их сносили. Во Львове раввина обвинили в незаконных валютных операциях и по «требованию трудящихся»

синагогу закрыли.

— При этом руководство киевской общины сохраняло абсолютную лояльность власти...

— Таковы были правила игры — и их не нарушали. Но интересно, что поздравляя партийных «кураторов» с той или иной памятной датой, в синагоге пытались связать это событие с каким-то своим, «еврейским» вопросом. Когда в стране отмечали 300-летие воссоединения Украины и России, верующие просили открыть еще одну синагогу или вернуть общине одну из трех синагог на улице Маловасильковской. Аргументация была оригинальной, мол, во время Хмельнитчины много евреев пали жертвами польской шляхты.

Кроме того, в этот день — 24 мая 1954 года — глава общины объявил, что синагога будет закрыта до вечера, чтобы «не отвлекать верующих от общего празднования в Киеве».

Попытки связать законы иудаизма с социалистической действительностью иногда выглядели довольно курьезно. Так, член общины по фамилии Верштейн обращается к Петру Вильховому — уполномоченному Совета по делам религиозных культов УССР — по поводу незаконного увольнения верующего еврея с должности бухгалтера. При этом на протяжении нескольких абзацев он доказывает схожесть положений Торы и Талмуда с советскими законами о праве на труд.

— На что жила синагога, учитывая, что о финансировании государством и речи быть не могло?

— В основном, на пожертвования прихожан. Деньги оставляли в коробке для цдаки, ключ от которой хранился у председателя общины. Раз в неделю их изымали в присутствии бухгалтера, и сумма пожертвований вносилась в журнал учета. В 1953 году по требованию властей была введена квитанционная система приема пожертвований.

Так, в 1957 году община получила 182 837 рублей, в 1958-м — 222 812. Больше всего поступлений было после религиозных праздников. Например, на Йом Кипур синагогу посещали до 30 000 верующих, в 1956 году в этот день было собрано 44 500 рублей, в 1957-м — 47 900, а в 1958-м — 90 000 рублей.

Кроме того, перед праздниками представители общины ходили домой и на работу к нерелигиозным евреям, уговаривая сделать пожертвования. Уполномоченный это запрещал, но поделаться ничего не мог. Иногда «спонсоры» обращались в соответствующие инстанции, как, например, заведующий парикмахерской Дубинский:

Как-то осенью 1957 года к нам в парикмахерскую зашли два неизвестных еврея, представились, что они из общины и собирают деньги на строительство еврейского кладбища. В подтверждение они показали квитанции, отпечатанные на пишущей машинке, со штампом и печатью религиозной общины иудеев Киева... Я спросил — сколько надо вносить пожертвования. Они ответили, что кто-то дает 100 рублей, а кто и меньше. Я обратил внимание, что на квитанции стоит цифра 10 рублей, поэтому дал 50 рублей за всех пятерых своих мастеров-евреев.

Центр Киева, 1950-е

— Кошерное мясо, маца к Песаху — существовали легальные способы их приобретения, или эта сфера полностью ушла в тень?

— По поводу мацы община начинала обращаться к властям еще в феврале — каждый год Минторг направлял на места распоряжение рассматривать мацу не как предмет культа, а продукт питания, спрос на который необходимо удовлетворить. Иногда это удавалось, и в магазины поступали изготовленные на предприятиях Главхлеба кондитерские изделия под названием «весенний бисквит» (правда, документальных подтверждений этого факта обнаружить не удалось, — прим. ред.). К слову, паски проходили под наименованием «весенний кекс».

Если государственные хлебзаводы не справлялись, община предлагала легализовать частные пекарни, обложив их налогом. В 1954 году, например, каждая еврейская религиозная семья приобрела по семь килограммов муки, и община выразила готовность заплатить 19%

налога за каждый использованный ею килограмм.

Руководство синагоги предлагало также прикрепить к каждой пекарне двух финансовых инспекторов и платить им зарплату. Чиновники на такие условия обычно соглашались. Но если местные власти не могли организовать выпечку мацы, как это было в 1959 году, евреи выпекали ее подпольно. В Киеве действовало от 8 до 10 подпольных пекарен в нелегально арендованных помещениях, но если килограмм выпеченной здесь мацы стоил 25 рублей, то в государственных магазинах — всего 7.

Что касается кошерного мяса, то в 1950-е годы в общине был шойхет по имени Ицхак Гейхман. Он договорился с работниками Куреневской бойни, где ему предоставили место для забоя скота. Домашнюю птицу он резал у себя дома, а говядину разносил по квартирам членов общины. Есть также сведения, что на некоторых государственных предприятиях Киева по заготовке мяса были участки, где забивали скот по правилам кашрута. Среди них, например, бойни «Облзаготівтварсировини».

— Поддерживала ли община какие-то контакты с евреями за рубежом?

— Скажу больше, в 1959 году президент Всемирного еврейского конгресса Нахум Гольдман пригласил представителей киевской синагоги на пленарную сессию ВЕК в Стокгольм. Такие же приглашения были отправлены в еврейские общины Москвы, Ленинграда, Баку, Тбилиси, Минска, Львова и Вильнюса.

Запрос отправили по инстанциям — киевский уполномоченный по делам религиозных культов Олейников обратился за инструкциями к уполномоченному при Совете министров СССР, но ответа так и не дождался. Соответственно, никто никуда не поехал, хотя формального отказа не получил.

По праздникам синагогу часто посещали израильские дипломаты, так, в 1955-м посол Израиля в СССР с семьей и военным атташе приехали на Йом-Кипур в Киев, поскольку в Харькове, который они собирались посетить, синагога была закрыта властями. После молитвы дипломат поинтересовался у раввина, почему в СССР нет еврейских школ. Тот ответил, что все евреи хорошо владеют и русским, и украинским языками, поэтому потребности в отдельных еврейских школах нет, что же касается харьковской синагоги, подчеркнул ребе, то ее закрыли, поскольку тамошние раввины были «теневыми дельцами».

В апреле следующего года на Песах синагогу посетил атташе посольства Израиля. И тоже стал задавать вопросы — почему, мол, в синагоге нет молодежи, а в Бабьем Яре до сих пор не установлен памятник. Раввин дипломатично пояснил, что еврейская молодежь Киева нерелигиозна, а Бабий Яр расчистят и, возможно, со временем построят там мемориал. Надо сказать, что, помимо синагоги, иностранные туристы-евреи обычно посещали Бабий Яр, хотя некоторые члены общины их от этого отговаривали.

Кости в Бабьем Яре, 1961. Фото: Э. Диамант

Это вполне вписывалось в общесоветский тренд замалчивания трагедии Холокоста. Достаточно сказать, что в 1957 году Бен-Цион Динур — бывший министр образования Израиля и глава «Яд Вашем» — обратился к еврейской религиозной общине Киева с просьбой прислать ему мешочек с прахом жертв из еврейской братской могилы. Вопрос рассматривался на самом высоком уровне и, в конце концов, уполномоченный по делам религиозных культов УССР получил от МИД указание: «Просьбу профессора Динура из Израиля целесообразно оставить без ответа. А представителям религиозной общины, если они обратятся за разъяснением, можно ответить, что евреи — жертвы фашистского террора — были советскими гражданами, и советские организации возражают против отправки их праха за границу».

— Часто ли заглядывали в синагогу иностранные туристы?

— Да, и «официальные» евреи, будучи под колпаком, вели себя с ними крайне осторожно. Например, в 1955 году во время визита в синагогу делегации квакеров из США, председатель общины заявил: «В помощи американских

евреев мы не нуждаемся. Нас всем обеспечивает советская власть. Передайте привет верующим евреям Америки, но только не тем, которые поддерживают Эйзенхауэра и других агрессоров».

Надо понимать, что туристы посещали синагогу только с сопровождающими из «Интуриста», а раввин или председатель общины докладывали о содержании разговора с гостями уполномоченному по делам религиозных культов Олейникову. Однажды некий американский турист посетил синагогу самостоятельно, а раввин рассказал об этом уполномоченному лишь через три дня, чем тот был крайне недоволен.

Понятно, что в публичном общении с иностранцами лидеры общины защищали советский строй, опасаясь даже тени подозрений в нелояльности. Когда речь шла о проявлениях государственного антисемитизма, это было очень нелегко. Сохранился отчет, отправленный наверх председателем общины Гендельманом в июне 1964 года, где он докладывает о посещении синагоги послом Франции в СССР с женой и дочерью. Дипломат начал встречу с упоминания об огромном резонансе во французской прессе после издания в Киеве «труда» Кичко «Иудаизм без прикрас». Глава общины в ответ заявил, что к государству эта публикация не имеет никакого отношения (!), а некоторые газеты даже критикуют ее. И вообще, евреи в СССР пользуются равными правами с гражданами других национальностей. «Что касается религии, то у нас в СССР свобода совести, — уверял гостя председатель. — Вы сами видели, что у нас открыта синагога для всех, и мы каждый день молимся утром и вечером...». Далее прихожане, согласно отчету, наперебой подтверждали тезис о равноправии: «А товарищ Панич сказал, что у его брата-раввина есть сын профессор и дочь-врач. Товарищ Юровицкий сказал, что, несмотря на то, что он рабочий, его дочь окончила институт, а сын работает инженером. Товарищ Тверской сказал, что сын у него врач, а невестка преподаватель».

— Наверняка, многие дипломаты, да и туристы-евреи, приходили в синагогу не с пустыми руками. Как «кураторы» относились к таким подаркам?

— Гости часто дарили общине предметы культа — талиты, тфилины, религиозную литературу, молитвенники и т.д. Власть смотрела на это косо, но отбирать не решалась. Иногда было недопонимание и со стороны верующих —

в архиве сохранился интересный эпизод о посещении синагоги на Хануку 1961 года секретарем посольства Израиля. Дипломат подарил синагоге несколько талитов и дорогих ханукийот и спросил, может ли его 11-летний сын зажечь ханукию в ходе церемонии. Община ответила отказом, аргументировав, что мальчику еще нет 13 лет (хотя зажигать ханукальные свечи могут и дети, — прим. ред.), что очень рассердило гостя, заявившего, что лучше бы он поехал в Ленинград, чем в Киев. Неизвестно, что двигало руководством синагоги — стремление устрожить закон или в очередной раз продемонстрировать сверххлояльность, но факт остается фактом.

Антирелигиозные плакаты 1960-х

Все эти уловки, впрочем, мало помогали. В 1962 году киевский уполномоченный по делам религиозных культов составил докладную записку «О связи еврейского клерикального элемента Киева с иностранными туристами, дипломатическими работниками посольства Израиля в СССР и о враждебной деятельности дипломатов под прикрытием синагоги». Чиновник сообщал, что за год синагогу посещает около ста туристов-иностранцев и дипломатов, цель которых — не удовлетворить религиозные потребности, а наладить «тайные контакты» с евреями Киева, распространить

«антисоветскую сионистскую» литературу, сионистские значки, а также «проводить пропаганду, расхваливая жизнь евреев в Израиле и США». Резюмируя, уполномоченный просил закрыть синагогу, но вывеска, иллюстрирующая свободу совести в советской Украине, была необходима режиму.

Тем не менее выводы были сделаны и, начиная с этого времени, члены общины перестали принимать любые подарки от дипломатов и туристов — даже мацу. Если же иностранный гость хотел выйти к Торе в ходе службы, то получал немедленный отказ. В общении с западными журналистами председатель стал еще более официальным и выражал еще большее «удовлетворение» советской национальной политикой.

Контроль государства над общиной был тотальным — это касалось не только идеологии, но и самых мелких хозяйственных аспектов функционирования синагоги. Например, когда в 1959 году в здании установили электрический щиток, уполномоченный обратился за инструкциями к вышестоящему начальству. «На установку такого электрощитка религиозная община разрешения от «Электросбыта» не имела, и меня предварительно об этом в известность никто не ставил, считая, что, поскольку в московской синагоге такой электрощиток есть, то на его установку в Киеве разрешение не требуется. Тем более, что замена этим щитком горящих свечей в государственном здании, занимаемым синагогой, рациональна с точки зрения противопожарной и санитарной безопасности. Руководитель «Электросбыта» заявил, что на установку щитка разрешения не требовалось, но поскольку это связано с выполнением религиозного обряда, щиток будет выключен до тех пор, пока не будет на то разрешения по нашей линии».

В итоге, разрешение община так и не получила, поэтому щиток просто сняли. Ничем окончилась и попытка радиофикации синагоги — просьбу общины установить микрофоны и транслировать богослужения за пределы здания так и оставили без ответа.

— *Насколько я понимаю, здание на Щекавицкой, особенно по праздникам, не могло вместить даже половину пришедших помолиться евреев...*

— Это было огромной проблемой, но все обращения к городским и

республиканским властям с просьбой об открытии (точнее, возвращении) второй синагоги, были проигнорированы. В одном из таких обращений эмоционально описывается давка в синагоге на Подоле: «Все проходы между сиденьями забиты, прихожане стоят, как селедки в бочках, так что нет никакой возможности выйти из синагоги, в связи с этим каждый праздник происходят обмороки от вынужденного удержания мочи пожилыми людьми; в 1954 году был даже смертельный случай, когда врач скорой помощи, осмотрев больного, сказал — везите его прямо на кладбище, он уже мертв».

Киевский кинотеатр «Кинопанорама», занимавший здание одной из синагог, возвращения которой добивались евреи

— Вероятно, на этом фоне в Киеве возникали подпольные миньяны?

— Возникали, хотя власть всячески этому препятствовала. Ведь если главу официальной общины она могла контролировать, то миньяны не подчинялись никому. Поэтому на них устраивали облавы, на задержанных налагали штрафы, изымали религиозную литературу, предметы культа и т.д.

Хотя единственная причина возникновения миньянов — переполненность синагоги на Подоле и невозможность добраться до нее пешком в шабат и праздники. Так, самому молодому из членов миньяна, собиравшемуся на улице Красноармейской, было 70 лет, а наиболее пожилому — 96. После того, как милиция запретила им собираться и конфисковала молитвенники и свиток Торы, они написали открытое письмо генсеку Хрущеву с просьбой разрешить собрания и вернуть религиозную литературу.

Иногда в целях конспирации для миньянов снимали подпольные квартиры, причем, у русских или украинцев. Интересно, что когда милиция превышала полномочия при разгоне миньянов, уполномоченный по делам религиозных культов иногда заступался за верующих евреев. Например, в 1956 году 15 человек, составлявших миньян на улице Жилянской, милиция увезла в отделение, каждого отштрафовали, а молитвенники отправили на экспертизу в КГБ. Уполномоченный сразу сообщил об этом наверх, и начальник отделения — майор Козак, дал задний ход — евреев отпустили, вернув им деньги и молитвенники.

При этом власти отказывали миньянам в регистрации, а легально собираться имели право лишь зарегистрированные общины. Характерно, что миньяны, активизировавшиеся в период праздников, раздражали не только власть, но и руководство синагоги. Глава общины Бардах даже передавал уполномоченному адреса «конкурентов», обращая особое внимание на миньян по адресу Красноармейская, 139, по сути, подпольную синагогу, — люди собирались там ежедневно, на утреннюю и вечернюю молитвы.

В конце концов, было решено установить налог на подобные собрания и это возымело эффект — если в 1959 году в 12-ти миньянах собиралось 320 человек, то в 1960-м — лишь 105 человек в шести миньянах.

Так или иначе, до середины 1960-х годов религиозный фактор был одним из главных в идентификации советских евреев, но пройдет несколько лет, и его сменит движение национального возрождения, вызванное победой Израиля в

Шестидневной войне, и тон в нем будет задавать совсем другое поколение...

Беседовал Александр Файнштейн